

Т. Д. Холл

Университет Де Поу, Гринкасл

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья¹ является кратким изложением моих размышлений о роли монголов в мир-системной истории и опирается на результаты моей совместной работы с К. Чейз-Данном (Chase-Dunn, Hall 1997), а также содержит выкладки из моих предыдущих исследований. Для краткости я представляю в виде аксиом несколько утверждений, получивших достаточное теоретическое основание в других исследованиях. Я также хочу отметить, что основной интерес для меня представляют не столько сами монголы, сколько понимание того, как мир-системы формируются, изменяются, сливаются, сокращаются и каким образом они включают в себя другие народы, территории и мир-системы. Моим основным утверждением будет то, что монголы и в целом степные скотоводы сыграли основные роли в разрастании мир-систем, окружающих степи Центральной Азии. Кроме того, изучение и исследование этих ролей дает особую возможность для понимания того, каким образом изменяются мир-системы и какие жизненно важные, хотя нередко и невидимые, роли играли народы без государства в процессах социального изменения мировой истории.

Я начинаю свой анализ с краткого напоминания о том, что есть анализ мир-систем, выделяя недавние попытки расширить изначальную парадигму И. Валлерстайна на докапиталистический период, то есть до 1500 г. н. э. Затем я перехожу к краткому анализу роли центральноазиатских кочевников в истории Афроевразийской мир-системы, концентрируя свое внимание на монголах. Завершится статья некоторыми размышлениями о том, куда же приведет нас дальнейшее исследование, а также обсуждением некоторых насущных теоретических и эмпирических вопросов.

АНАЛИЗ МИР-СИСТЕМ: КРАТКИЙ ЭКСКУРС

Я ссылаюсь на анализ мир-систем как на перспективу или парадигму в том виде, в котором ее понимает Т. Кун, а не на теорию (Kuhn 1970; 1977). Вкратце, парадигма является более общей, нежели теория. Это

набор предположений, которые направляют проблемы и развитие многих родственных, но соперничающих теорий. Ошибочное принятие мир-системного анализа за теорию, а не парадигму, заставило многих ученых предположить, что ранние работы И. Валлерстайна охватывали всю «теорию». В то время как мир-системная мысль продвинулась намного дальше валлерстайновских изначальных формулировок, многие из основных предположений происходят из его ранних работ².

Использование термина «мир» в «мир-системах» в последние десятилетия несколько сбивает с толку. Часто он видится как синоним «глобального». Однако он более относится к независимой, внутренне когерентной единице социальной организации. Говоря словами Валлерстайна, «моя мир-система не есть система в мире или система мира. Это система, которая сама по себе – мир» (Wallerstein 1993b: 294).

Таким образом, мир-система является фундаментальной единицей анализа, в которой должны анализироваться все остальные социальные процессы и структуры. Это, однако, не есть утверждение о том, что анализ мир-систем вытесняет и замещает все остальные типы социального анализа. Напротив, это заявка необходимого, но еще далеко не достаточного, требования для любого социального анализа. Таким образом, все социальные процессы происходят в определенное время и в определенном месте и позиции внутри мир-системы. Этот контекст является необходимой частью понимания любого социального процесса.

Для Валлерстайна существует три основных типа мир-систем: мир-экономики, мир-империи и мини-системы. Мир-экономика состоит из государств, торгующих, соперничающих и воюющих друг с другом. Мир-империя – результат политического объединения одним государством других, обычно путем завоевания. Мир-экономики и мир-империи часто являются разными историческими фазами одной и той же системы. Мир-империя может распасться вследствие различных факторов, таких как, к примеру, династический или экологический кризис. В этом случае обычно иное государство, нередко полупериферийное, милитизированное, завоевывает остальные и создает дружную мир-империю (Chase–Dunn, Hall 1997: гл. 5). Валлерстайн также утверждает, что современная мир-система уникальна потому, что, будучи построенной на капитализме, она не стала мир-империей, но из подобных систем стала первой действительно глобальной.

Эта «современная мир-система» развилась в Западной Европе в течение «длинного шестнадцатого века» (1450–1640 гг.). Раннекапиталистические купцы нуждались в рабочей силе, сырье и рынках. Эти потребности стали движителем расширения торговых коммуникаций и колонизации многих районов мира. Экспансия была длительной, но подверженной циклическим ритмам, что является основным качеством мир-системы. Современная мир-система основывалась на разделении труда и состояла из: (1) стран ядра, имеющих развитое индустриальное производство и системы распределения, обладающих силь-

ным государством, буржуазией и крупным рабочим классом; (2) периферийных районов и стран, специализирующихся на добыче сырья и имеющих слабое государственное устройство, малое количество буржуазии и много крестьян; (3) полупериферийные страны, экономически, социально и политически являющиеся промежуточным звеном между первыми и вторыми. Их социальные структуры находятся либо в состоянии транзита, либо имеют смешанную природу.

Капиталисты стран ядра используют принуждение, чтобы заставить производителей из периферийных стран принять низкие цены и низкие заработные платы. Подобный неравный обмен способствует развитию центра и одновременному обнищанию периферии. Пространственные рамки этого тройного разделения не всегда явны и остаются проблематичными. Вышеизложенное является, в известной степени, «идеальными типами». То, что было высоко-технологичным в прошлые века (например текстильная промышленность в XVIII–XIX вв.), может являться низкотехнологичным в будущем (как, например, та же текстильная промышленность в конце XX в.).

Мир-системный анализ имеет двойную исследовательскую задачу. Он призван установить: 1) каким образом системные процессы формируют внутреннюю динамику и социальные структуры его компонентов (государств, регионов, народов); и 2) каким образом изменения внутри компонентов производят изменения в системе. Анализ мир-систем часто критикуется за свой излишний детерминизм и игнорирование человеческого фактора. Эта критика, несмотря на свою обоснованность, является избыточной. Частично это происходит потому, что анализы второго типа отражены в книгах и опираются на достаточное историческое описание, в то время как более краткие статьи, такие как эта, дают краткие выкладки, которые часто читаются как первый тип анализа. Вообще одной из перспектив дальнейшего изучения роли степных скотоводов, включая монголов, является более глубокое эмпирическое и теоретическое понимание мир-системных процессов.

Краткие структурные отчеты имеют тенденцию недостаточно выделять динамические аспекты мир-систем. Динамическая диалектика локального и глобального лежит в основе мир-системного анализа. Системы демонстрируют несколько направлений со встроенными циклами, производящие спираль изменений (Boswell, Chase-Dunn 2000). Направления включают: товарность, пролетаризацию, государственное строительство, увеличение размеров предприятий и интенсификацию капитала. Два главных циклических процесса – волна Кондратьева и гегемонический цикл.

Цикл Кондратьева (К-волна) представляет собой приблизительно 50-летние ценовые циклы. Верхняя часть носит название А-часть, нижняя – Б-часть. К-волны сложно точно датировать, так как они должны измеряться непрямым способом (Grimes 2000). В упрощенном виде это выглядит так – развитие новой технологии дает воз-

возможность экономической экспансии. Однако рынок насыщается, конкуренция растет, экспансия замедляется до тех пор, пока новая или обновленная технология не начнет новый цикл.

Гегемония, не в том смысле, который вкладывал в термин Грамши, является состоянием, в котором одно государство в центре доминирует в мир-системе посредством его экономической и политической мощи. Когда мощь гегемона достигает пика и гегемония теряется или ослабевает, центр испытывает усиленную межгосударственную конкуренцию. Гегемоны часто достигают могущества посредством войны, которая включает всю или большую часть системы. Комбинация Кволн и гегемонического цикла способствует циклам колонизации, деколонизации, войны, образования государств и социальных движений. Однако они не являются причинами этих других циклов, но создают для них более или менее благоприятные условия.

ОТ МИР-СИСТЕМЫ К МИР-СИСТЕМАМ

На первый взгляд антропологические и археологические исследования имеют мало общего с мир-системным анализом. Однако, если мы хотим понять, как развилась так называемая «современная» (modern) мир-система и избежать интерпретации текущих процессов в неверную мировую историю, мы должны критически изучить его прошлое. Одновременно археологи увидели в мир-системе определенный потенциал для понимания региональных систем. В то время, как анализ мир-систем, казалось, предлагал путь для интеграции узких исследований в более широкие процессы, он также казался слишком программным, слишком структурированным и уделял слишком мало внимания объекту изучения. Эти ранние попытки заставили некоторых исследователей мир-систем переосмыслить свои основные предположения и трансформировать некоторые из них в эмпирические вопросы (Hall, Chase-Dunn 1993), например: сколько может быть полупериферийных моделей между центром и периферией и каковы их роли в истории мир-систем?

Другим вопросом является роль различных типов обменов в динамике и эволюции мир-систем. Дж. Шнайдер (Schneider 1977) подверг сомнению повышенное внимание Валлерстайна к обмену основными товарами и отсутствие внимания к торговле предметами роскоши. Несколько исследователей анализировали, как лидеры использовали обмен предметами роскоши или престижными товарами для того, чтобы улучшить свое положение и усилить политическую власть. Эти авторы создали исследования, которые изучали роль обменов предметами роскоши, военных альянсов и идей по функционированию мир-систем (Peregrine 1992; 1995; 2000; Peregrine, Feinman 1996; Kardulias 1999).

К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1991; 1997; 2000) развили эти идеи, показав что расширение мир-системного анализа на дока-

питалистические периоды требует трансформации многих компонентов теории в эмпирические вопросы. Авторы выдвинули точку зрения, что существовало четыре широкомасштабных типа мир-систем: родовые, даннические, капиталистические и, возможно в будущем, социалистические³. Каждый тип имеет много вариантов или подтипов. Тем не менее каждый из них имеет доминантный способ накопления (*mode of accumulation*) – более или менее обычный для них способ накопления богатства или капитала, в отличие от способа производства (*mode of production*).

Системы, основанные на родственных отношениях, были наиболее ранними, зачаточными формами мир-систем. Они состояли из небольших, не имевших государственного образования, оседлых групп собирателей. Эти системы имели весьма неразвитые формы дифференциации или иерархии. Так как они не имели государственной организации, их политика была встроена в систему родственных, брачных и гендерных отношений. В то время как подобные системы далеко отстоят от «современной» мир-системы, они являются первоосновой, из которой развились все остальные мир-системы.

Около семи тысяч лет назад началось развитие мир-систем вождеств. Эти системы имели более четко выраженную иерархию и, в определенной степени, разделение на центр и периферию. Конфликты между этими системами, а также их динамика (Hall 2001) дали начало первым государствам и данническим мир-системам, которые появились приблизительно пять тысяч лет назад. Очень быстро даннические мир-системы распространились по свету. Они поглотили родовые системы и вождества и доминировали до тех пор, пока голландцы не создали первое капиталистическое государство в XVII веке. Чейз-Данн и Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) утверждают, что именно это, а не «долгий шестнадцатый век», по Валлерстайну, обозначило появление современной, капиталистической мир-системы⁴.

Исследования докапиталистических мир-систем привели к созданию нескольких рабочих гипотез. Во-первых, один способ накопления может включать более чем один способ производства. Даннические мир-системы часто включают некоторое число основанных на родстве мини-систем, расположенных обычно (но не исключительно) в периферийных районах. Они могут содержать анклав, где существуют капиталистические отношения. Однако основное богатство накапливается посредством дани, которая выплачивается главному правителю. В этом позиция Чейз-Данна и Холла отличается от взглядов многих других ученых (Denemark *et al.* 2000, Denemark 2000, Thompson 2000). Во-вторых, в дополнение к системам торговли основными товарами мир-системы часто имеют сети политических/военных обменов, обменов престижными товарами и предметами роскоши и обмена информацией. Для Чейз-Данна и Холла информация включает все виды дан-

ных нематериального, культурного содержания. Каждая из сетей имеет собственные пределы или границы. Все четыре структуры редко совпадают, за исключением небольших островов или внутри современной мир-системы. Отношения между этими сетями во времени остаются неясными.

В-третьих, все мир-системы «пульсируют», то есть расширяются и сжимаются или расширяются быстрее, а затем медленнее. Когда пульсация спорадична и циклична, но не линейна, происходит экспансия. Все виды мир-систем пульсируют, таким образом, пульсации не могут возникать в определенном способе производства или способе накопления. Скорее, такие циклы являются прямым свойством жизнедеятельности системы (Straussfogel 1998, 2000). В-четвертых, Афроевразия (в общепринятых терминах «Азия», «Европа» и «Северная Африка») была связана, по крайней мере на уровне информации или обмена предметами роскоши, самое малое в течение двух с половиной тысячелетий. Таким образом, события и процессы в Европе не могут объясняться только европейскими процессами. Это делает еще более загадочным то, почему динамика размеров империй и процессов урбанизации, происходивших синхронно в западной и восточной части Афроевразии, были связаны по крайней мере в течение двух тысячелетий (Teggard 1918; 1925; 1939; Chase-Dunn, Manning, Hall 2000). Турчин и Холл (Turchin, Hall 2003) предполагают, что экологические циклы и другие факторы могли бы быть причинами подобной синхронизации циклов в системах, даже разделенных значительными расстояниями.

Анализ Чейз-Данна и Холла (Chase-Dunn, Hall 1997; 2000) отличается от остальных в нескольких чертах. Во-первых, они полагают, что существовало много мир-систем, объединенных в четыре широкие категории со множеством подтипов. Во-вторых, они утверждают, что существуют определенные сложные процессы, двигающие эволюцию мир-систем (Chase-Dunn, Hall 2000)⁵. В-третьих, полупериферия является основным локусом изменений. В-четвертых, они не согласны с А. Г. Франком и И. Валлерстайном по поводу исторической глубины «современной мир-системы», хотя и последние авторы признают, что ее исторические корни уходят вглубь на пять тысячелетий. Наконец, Чейз-Данн и Холл видят происхождение государственности как этап эволюции мир-систем, но, в отличие от других ученых, начинают свой анализ задолго до периода формирования государства.

В последнем вопросе настораживает то, почему Чейз-Данн и Холл проводят теоретический и эмпирический водораздел между дифференциацией «центр–периферия» и иерархией центра и периферии. Они определяют дифференциацию «центра–периферии» как «обществ, находящихся на разных уровнях сложности и плотности населения во взаимодействии друг с другом»; тогда как иерархия центра и периферии есть «межобщественное доминирование и эксплуатация» (Chase-Dunn, Hall 1997: 36, 272). Подобное разграничение позволяет упро-

стить как теоретическое, так и конкретно-эмпирическое понимание того, как изначально общества становятся дифференцированными и, затем, как и когда различия в социальной организации и взаимоотношениях дают толчок к иерархическим отношениям, вместо того чтобы полагать, что эти процессы идут одновременно.

ОБЪЕДИНЕНИЕ И СЛИЯНИЕ

Государства, цивилизации и мир-системы постоянно встречались, сталкивались, воевали, завоевывали и разрушали, равно как в некоторых случаях поворачивались к разрушению разными негосударственными группами. Государства часто и разными путями старались поглотить или присоединить безгосударственные или аборигенные народы. Присоединение всегда производит сильнейший эффект, даже когда его степень ограничена. Инкорпорация является двусторонним интерактивным процессом, характер которого варьируется от мягкого до экстремального (Hall 1989a). Называние всего этого процесса «инкорпорацией» скрывает важные вариации и затрудняет понимание широкого ряда последствий инкорпорации и реакций на нее, которые происходят на границах мир-систем (Hall 2000b). Некоторые изменения, произошедшие вследствие инкорпораций, обратимы, другие необратимы.

Инкорпорация создает многочисленные виды приграничных зон (Hall 2000b). Многие из известных нам сегодня групп американских индейцев ведут свое происхождение от слабо интегрированных аборигенных сообществ, объединившихся в процессе инкорпорации (Hall 1989b). Аборигенное сопротивление расширяющимся мир-системам, империям или государствам, с последующей мобилизацией, осуществлялось повсеместно. Самостоятельное возникновение многих из предполагаемых эволюционных типов обществ вызывает сомнение, поскольку последние являются продуктом широкого взаимодействия с государствами и/или мир-системами. Так как эти воздействия являются древними, ясно, что не все вредоносные последствия принадлежат капитализму, но также и институту государства. При этом нередко истории подобных столкновений отражали взгляды экспансионистских государств, согласно которым превосходство государства над негосударственными народами является аксиомой (Wolf 1982).

Иногда инкорпорация подталкивает государства к более сложным формам организации: локальные группы становятся племенами, племена становятся вождествами, а вождества становятся государствами. Подобная реактивная эволюция, как результат инкорпорации, может отразиться и на инкорпорирующем государстве, или мир-системе. Монгольское завоевание Китая демонстрирует нам, как принудительная централизация может повредить государству, инициировавшему ее.

Пример монголов также показывает, как вызванная инкорпорацией централизация может привести к трансформации инкорпорируемой группы, в этом случае, во вторичное государство и даже к созданию

империи. Часто эти вторичные государства были внутренне нестабильны, как это видно в случае степных конфедераций. Они обычно сохранялись до тех пор, пока высокоразвитое оседлое государство снабжало их товарами для торговли. Даже монголы оставались в зависимости от китайских товаров. Как говорили китайцы: «Поднебесная может быть завоевана на коне, но она не может на коне управляться». Степные империи могли существовать, только получая прибыль от регионального центра.

Исследования отношений государства с негосударственными народами в докапиталистический период образуют основу для сравнения взаимоотношений негосударственных обществ с государствами в современной мир-системе и отношениями внутри даннической мир-системы. Эти сравнения помогают нам понять, что является уникальным в данных процессах в современной мир-системе. Одним уроком является то, что угнетение и культурное доминирование не являются уникальными для капитализма или для европейцев, но есть общее для всех ситуаций, когда государства взаимодействуют с негосударственными обществами. Однако типы, интенсивность и последствия таких взаимодействий значительно различаются в даннических, раннекапиталистических и позднекапиталистических мир-системах (Hall 1998a). Более того, в древних и докапиталистических мир-системах зоны инкорпорации или фронтиры возникают вдоль всех четырех типов границ сетей: основных товаров, политико-военных, предметов роскоши и информации. Слишком мало было проделано работы по их сопоставлению для того, чтобы прийти к каким-либо выводам.

Близкой по сути проблемой является проблема слияния мир-систем. Отличительным признаком ситуаций слияния является то, что одна мир-система в действительности не поглощает и не присоединяет другую, но они входят друг в друга, то есть сливаются. Можно предположить, что подобные слияния происходили вдоль наиболее широких границ информации и престижных товаров, для того чтобы включить политические и военные связи и, в конце концов, маршруты основных товаров. Именно это было показано Чейз-Данном и Холлом (Chase-Dunn, Hall 1997) в их реконструкции более чем двухтысячелетней истории афроевразийских мир-систем.

АФРОЕВРАЗИЯ И СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ⁶

Чейз-Данн и Холл доказывают, что в Афроевразии существует по крайней мере три мир-системы: одна с центром в Западной Азии и происходит из первых государств: Месопотамии, позже Египта и Рима; следующая представляет собой мир-системы и государства, возникшие в Южной Азии, которые недостаточно изучены с точки зрения теории мир-систем; и, наконец, китайская мир-система. Агентами объединения в указанных случаях выступали степные конфедерации, ко-

торые, несмотря на свой грабительский характер, способствовали развитию азиатской торговли.

В своем исследовании «*Rim u Kumai*» Ф. Дж. Теггарт (Teggart 1939) доказывает, что военные действия на восточных границах Римской империи и в западных пределах Китая были связаны друг с другом. Он также утверждает, что механизм данной корреляции представлял собой передвижения различных центральноазиатских степных народов, однако он не определяет механизмов этого объединения.

В общем, кочевые группы Центральной Азии имеют сегментарную линиджную структуру (Barfield 1989; Sahlins 1961). Заметной чертой сегментарной линиджной структуры является то, что она позволяет легко формировать альянсы и облегчает превращение недавнего врага в союзника, которое часто рационализируется посредством метафоры родства. Это был единственный путь, через который степные лидеры могли манипулировать течением экономики престижных товаров для создания более широких союзов и более крупных армий.

Киммерийцы и скифы, которые вполне могли быть первыми конными степняками, появились где-то около IX в. до н.э. Китайские источники, описывающие конных номадов, появляются около IV в. до н. э. Развитие государства Хунну, первой крупной степной конфедерации, совпало с формированием династии Цинь в Китае в конце III в. до н. э. Это не было случайным совпадением, напротив, это, скорее, представляло собой первый цикл подъема и упадка китайских династий и степных конфедераций, как показывает Барфилд (Barfield 1989: 13; 1991: 23).

Отношения между Степью и оседлыми народами демонстрируют несколько повторяющихся сюжетов в китайской истории. Во-первых, постепенное расширение зон оседлого земледелия вытесняло кочевников дальше в степи. Однако сочетание сельскохозяйственной технологии и местной экологии ограничивало это распространение. Вдоль приграничья земледельцы иногда перенимали образ жизни кочевников, временами кочевники становились оседлыми. На отдельных участках китайской границы это создавало смешанные зоны. В местах, где зоны вегетации имели четкие очертания, подобный характер имела и граница. В общем, различие между степняками и оседлым населением определялось условиями жизни, но не этничностью или расой, хотя часто это именно так и выражалось. Это был один из ранних примеров сохранения культурной границы несмотря на постоянное движение людей, семей или групп сквозь нее (Barth 1969). Во-вторых, географические и политические факторы обуславливали возникновение волн завоеваний или миграций с востока на запад Евразийского континента. Температура и количество осадков изменялись с востока на запад евразийской степи, и на западе находились лучшие пастбища (McNeill 1982: 17; 1987: 265ff., 323). Однако на востоке внимание привлекала китайская империя.

В-третьих, номады представляли мало интереса или ценности для земледельческого Китая, и поэтому им часто приходилось стимулировать торговлю угрозами: набеги и торговля являлись разными средствами, служившими одной цели (Jagchin, Symons 1989: гл. 1). Хазанов (Khazanov 1984: 202ff) отмечает, что в потребности в этой торговле существовала заметная асимметрия. Благодаря специфике своего жизненного уклада, номады испытывали гораздо большую нужду в товарах, производимых оседлыми народами – как в сельскохозяйственных, так и в ремесленных, – чем земледельцы в товарах, произведенных степняками. Наиболее сильная потребность в обменах с номадами возникла из второго типа торговли, в котором кочевники играли роль посредников между оседлыми цивилизациями. Тем не менее асимметрия в торговой потребности объясняет, почему кочевники нередко принуждали оседлые народы к торговле посредством набегов.

Кристофер Беквис (Beckwith 1991) приводит важный пример обратного. Уйгуры поставляли танскому Китаю лошадей, необходимых для внутренней торговли и управления. Таким образом, по крайней мере в раннем средневековье кочевники поставляли необходимые для жизни товары. Ди Космо (di Cosmo 1994) также опровергает существование асимметрии на основе отношений Хунну, замечая, что кочевники иногда совмещали сельское хозяйство с кочевым. В то время как Ди Космо добавляет несколько тонких нюансов к анализу отношений между кочевниками и оседлыми народами, ничего из того, что он отмечает, не искажает анализ Барфилда. Рассуждения Беквиса, тем не менее, не опровергают анализ Барфилда и укрепляет утверждение о том, что кочевые конфедерации иногда выполняли полупериферийную роль в торговле. Ясно, что требуется больше информации о подобной торговле и может потребоваться пересмотр этой концепции.

С течением времени китайцы создали кавалерию, способную бороться с кочевниками. Набеги находились в связи с изменяющимися условиями в торговле и изменениями в стабильности государств (Scynkiewicz 1989: 154; Barfield 1989). Китайские чиновники видели в этой торговле способ контролировать кочевников. Лидеры кочевых обществ использовали престижные товары, чтобы поддержать и символизировать собственную власть. Эти взаимодействия вызвали изменения в Китае и у кочевников. Когда китайские династии находились в упадке, кочевники временами помогали защищать от восставших осажденные области. Когда династии находились в стадии подъема, это способствовало объединению номадов. Таким образом, степные конфедерации так же часто являлись источником изменений, как и принимали их.

Барфилд (Barfield 1989) приводит примеры тесной связи между китайской империей и степной политической организацией. Он проводит четкое разграничение между стратегиями внешней и внутренней границы. Стратегия внешней границы состояла в том, что домини-

рующий степной лидер, используя насилие для запугивания китайских чиновников, балансируя между миром и войной, получал дань (которую китайцы называли «подарками») и улучшал условия торговли. Он тщательно избегал захвата китайской территории, для того чтобы избежать вовлечения в сплетения китайской политики, которое подобный захват мог бы вызвать.

Стратегия внутренней границы возникала в тот момент, когда кочевая конфедерация начинала распадаться. Тот или иной лидер кочевой фракции (обычно слабой) искал союза с неким китайским чиновником против своих степных противников. Китайские чиновники использовали сложившуюся ситуацию, чтобы натравливать «варваров против варваров» (Yü Ying-shih 1967: 15; Kwanten 1979: 12ff; Beckwith 1987d). Лидер кочевой фракции иногда входил в союз с частью китайской армейской верхушки, чтобы победить своих врагов. Он также старался использовать свои хорошие отношения с китайцами, чтобы прервать поступление китайских товаров своим противникам. Подобная практическая монополия на китайские товары стала мощным орудием для обретения сторонников. Это особенно хорошо работало в системах с сегментарной линейной структурой, где экзотические товары использовались для улучшения статуса и репутации лидеров, то есть в экономиках предметов роскоши. Как только такой лидер получал верховную власть, он мог использовать ее либо для объединения кочевых групп и возвращения к стратегии внешней границы, либо оставлял их политически разъединенными и укреплял свою власть в ограниченном регионе.

Циклическое использование стратегий внутренней и внешней границы являлось механизмом, синхронизировавшим усиление степных политик с усилением китайской империи и фрагментацию степных конфедераций с распадом китайской империи. Только когда аграрная империя была сильна, можно было «доить» ее посредством политики внешней границы. Когда империя была слаба, степные лидеры склонялись к стратегии внутренней границы, создавая союзы с местными военными вождями.

Эта цикличность объясняет, почему эта «опасная граница» (Barfield 1989) оставалась относительно постоянной. Кочевники не могли править оседлым населением, не став при этом оседлыми. Однако оседлые государства не могли завоевать кочевников, не делая их оседлыми. Они могли пытаться контролировать номадов, комбинируя барьеры и высококомобильные войска, которые могли побеждать кочевников их собственным оружием (Lattimore 1962: 485). Таким образом, центральноазиатские кочевники, особенно монголы, могли создавать огромные империи, но не могли надолго сохранять их. Напротив, китайцы могли манипулировать кочевниками, но им никогда не удавалось подчинить своих степных противников. Китаизация кочевников

отмечалась часто, однако «монголизация» приграничных китайцев фиксируется редко (кроме Lattimore 1940; 1962a).

Воздействие цикличности стратегий внутренней и внешней границ в афроазиатском масштабе распространялось волнами по степной территории и иногда вынуждало кочевников двигаться на запад. Когда китайская мир-система становилась многоцентричной, связанные с ней степные конфедерации также распались на отдельные части. Конфликт между кочевыми группами нередко разрешался миграцией более слабой группы на новую территорию. Так как конфедерация, союзная китайцам, была, как правило, более крупной и сильной, чем ее противники в глубине степи, она могла легко завоевать и изгнать их. Поэтому крупномасштабная миграция на запад была обычной. Так, Западная Азия подвергалась периодическим многочисленным завоеваниям вытесненных племен. Это один из факторов синхронизации упадков и подъемов империй и расцвета и упадка городов в восточно-азиатской и западноазиатской мир-системах (Chase-Dunn, Manning, and Hall 2000)⁷. В то же время неправильно было бы считать, что именно набеги кочевников были главными причинами падения восточно- и западноазиатских империй. Падение империй во многом вызывалось чрезмерным увеличением, а затем сокращением расходов на содержание империй (Tainter 1988; Hopkins 1978a). Тем не менее эта тенденция вызывала миграции и усиливала набеги кочевников, которые ускоряли развал империй.

Данный анализ степных конфедераций дает пищу для дискуссии по поводу роли классовых отношений в формировании государства. Согласно традиционному марксистскому подходу государства появляются только после формирования классов. В то время как у центральноазиатских кочевников наблюдалось имущественное расслоение, было бы преувеличением называть это классами. Кроме того, существовала постоянно повторяющаяся проблема перехода кочевников к «племенному» строю после распада их, условно говоря, «государств». Проблема здесь в господствующей точке зрения, согласно которой происхождение государства есть явление исключительно эндогенное. Степные конфедерации представляли собой единственные чисто «даннические» государства в том смысле, что основной доход они изымали только у других государств, в то время как собственные подданные давали очень мало. Формирование степных конфедераций можно объяснить, лишь принимая во внимание мир-системные отношения. Это был необычный случай, когда менее сложная и менее иерархическая периферия или полупериферия (в рамках различия центра-периферии) эксплуатировала более сложный центральный регион. Этот пример наглядно показывает, почему Чейз-Данн и Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) настаивают на том, что отношение между различием центра-периферии и иерархией центра-периферии должно изучаться эмпирически, а не предполагаться теоретически.

Степные конфедерации могут пониматься как полупериферийные, а не как периферийные. Если китайская империя представляла собой центр, отдаленные кочевники – периферию, и ближние степные конфедерации – полупериферию, тогда такая ситуация представляет собой интригующую загадку мир-системы. Здесь полупериферия растет вследствие неравного, в свою пользу, обмена с центром и использует свою мощь для блокирования процесса формирования соперничающих полупериферий. Однако тем не менее она остается зависимой от центра в том смысле, что это отношение находится в зависимости от материального состояния центра.

Кажущаяся противоречивость эксплуатации полупериферией центра частично нивелируется соотношением размеров. Китайские государства превосходили степные конфедерации по населению в сто и более раз. Таким образом, то, что они давали степнякам, было относительно малым по сравнению с другими обментами, и тем не менее представляло жизненную необходимость для кочевников. Поэтому одни и те же обмента представлялись степным кочевникам «данью», в то время как китайцы называли их «подарками» или «взятками» (Jagchid and Symons 1989: гл. 2 и 4).

На другом конце Афроевразии негосударственные народы, противостоявшие Риму, были более разнообразными и представляли собой проблему другого рода (Dyson 1985; Wells 1999). Вдоль восточной и южной (то есть Северная Африка) границ негосударственные народы были более или менее одинаково подвижными скотоводами. На европейских границах народы варьировались от полуседлых ранних земледельцев до сложных вожеств. Рим оказывал значительное, хотя и неравномерное, давление на своих соседей, стимулируя политическую централизацию негосударственных обществ. Иногда это давление имело отрицательные последствия и для самого Рима, как, например, в случае разгрома Артемием римских легионов в битве в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. (Wells 1999).

В отличие от степных кочевников западноазиатские и североафриканские кочевники имели родовую организацию, которая менее поддавалась экспансии посредством включения в «фиктивную» генеалогическую структуру. Это, возможно, отражало важные географические различия (Barfield 1990). Эти кочевники более часто и охотно чередовали кочевой и оседлый образы жизни (Cribb 1991). Это могло происходить из-за того, что эти кочевники, в особенности когда они занимали очень разнообразный ландшафт, – трансгуманный тип хозяйства. Соответственно они часто имели симбиотические отношения с оседлыми земледельцами регионального центра (Barfield 1993: 94).

В конце концов, римская стратегия отношений с негосударственными обществами отличалась от китайской, а также парфянской, селевкидской, сасанидской и стратегий других государств Западной

Азии. Продолжая свою раннюю политику федерализации, Рим часто старался превратить своих стародавних негосударственных противников в союзников. Эта стратегия перемежалась с территориальным, или прямым, либо гегемоническим, или непрямым, контролем.

Маттингли (Mattingly 1992) отмечает, что конфликты римлян со скотоводами Северной Африки, в отличие от знаменитого анализа римской стратегии Э. Люттвака (Luttwak 1976), не всегда имели целью держать кочевников подальше от своих пределов, даже в поздней-имперский период. «Римские границы любого типа (стены, земляные сооружения, реки, горы, пустыни или системы дорог и фортов) не предназначались для блокады или первоначального сдерживания наступающих сил противника. Скорее, они представляли собой фильтры, предназначенные для облегчения наблюдения и контроля за движением в территориях и зонах доминирования» (Mattingly 1992: 56). Таким образом, Рим склонял кочевников-скотоводов к стратегии внутренней границы и блокировал любой сдвиг к стратегии внешней границы с помощью разумной комбинации дани, альянсов и политики «разделяй и властвуй» (Mattingly 1992: 54). Эти способы также облегчались уже отмеченными нами географическими и родоплеменными различиями.

Итак, Риму редко противостояли объединенные конфедерации типа тех, что противостояли Китаю. Это не избавляло от угрозы и влияния кочевников на Рим или другие империи Западной Азии. Центральноазиатский цикл кочевнических конфедераций приводил к синхронизации приграничной войны в Китае и Риме и направлял объединение и распад систем обмена товарами роскоши и информации в масштабах Афроевразии.

МОНГОЛЫ

О монголах и Чингисхане было много написано. Здесь я только выделю те черты, которые мир-системный анализ может добавить к дебатам, и не буду углубляться в их богатую и сложную историю. Монгольское завоевание являлось одним из наиболее важных процессов, имевших место в истории афроевразийских мир-систем. Барфилд утверждает: «Исключительная природа Монгольской империи часто понималась неправильно, так как, будучи самым мощным кочевым государством из всех существовавших, она рассматривалась как кульминация политической эволюции степи, а не как исключение, каковым она и являлась» (Barfield 1991: 48). Она представляла собой исключение в нескольких чертах: в процессе прихода Чингисхана к власти, в чжурчженской реакции на это, в масштабе завоевания, а также в создании государств с городской базой, включая династию Юань.

Чингис поднялся из маргинального состояния и часто сталкивался с оппозицией в лице собственных родичей. Поэтому он не полагался на родство для организации своих последователей, но опирался на

преданность и автократический контроль. Он создал разноплеменную элиту из своих друзей и приближенных.

Исходя из этого, политическая организация Чингисхана не была кульминацией долговременной эволюции степных традиций, так как она отрицала модель имперской конфедерации. Вместо этого монгольское государство базировалось на принципах централизованной администрации, разрушении племенных моделей лидерства и жесткой дисциплине, не встречавшейся среди номадов в столь развитой степени. Это было уникальное образование. После падения Монгольской империи кочевники вернулись к более архаичной и традиционной организационной модели имперской конфедерации (Barfield 1991: 49).

Это государство нового образца столкнулось с чжурчжэньским полупериферийным завоевательным государством, которое не стало следовать проверенной временем китайской политике умиротворения. Чингисхан переиграл чжурчжэней с помощью стратегии внешней границы – разрушительных набегов и склонения к политике умиротворения, а затем как-то неохотно завоевал Северный Китай. Вместе с малой терпимостью Чингиса к сопротивлению это привело к масштабным разрушениям городов и сельскохозяйственной инфраструктуры. Только при Хубилае монголы приняли на себя ответственность за управление Северным Китаем вместо того, чтобы разорять его.

Монгольская империя впервые объединила большую часть Евразии в рамках одной империи. Однако слияние было далеко от завершения. Мамлюки предотвратили военный захват Египта и Северной Африки. Неудобство лесных зон для конных лучников (Lindner 1981; 1983) в сочетании с успехами рыцарей в лесных зонах (McNeil 1963; 1964; 1882) сохранили Европу от монгольского завоевания.

Объяснение успеха монголов лежит в факторах и процессах, происходивших одновременно на нескольких уровнях (Sounders 1971; Morgan 1986; Lindner 1981; 1983; Barfield 1989). Во-первых, государства западной Азии были слабы по сравнению с Китаем и открыты для завоевания. Монголы не знали, что их экологические рамки были более хрупкими, чем у китайцев, которые часто отстраивали и заново заселяли разрушенные города. Однако в юго-западной Азии такое разрушение часто оставалось навечно, особенно когда разрушению подвергались оросительные системы. Так как монголы особенно не утруждали себя организацией местной администрации, часто случалось так, что не оставалось тех, кто был бы способен восстановить разрушенные города и ирригационные системы (Barfield 1989: 201–202).

Во-вторых, клиентные отношения с монголами являлись выгодной «сделкой» в условиях непрекращавшейся войны. Государства, не подчинившиеся власти монголов или нарушившие договоры с ними (государство Цзинь в Китае, Западный Туркестан и Тангутское государство), как правило, уничтожались. Государства же, подчинившиеся

монголам (Маньчжурия, Корея, оазисы Уйгурии), уцелели и часто сохраняли своих правителей.

Чингис был особенно нетерпим к проявлениям нелояльности. Как пишет Барфилд, «карательные войны были настолько разрушительны, что приводили к падению правящих династий и прямой инкорпорации в Монгольскую империю» (Barfield 1989: 200). Это было чем-то новым для степных набегов в Центральной Азии. На западе им пришлось захватить и управлять государствами, которые они не уничтожили. На востоке сила монголов в конце концов привела их в ловушку, так как они были вынуждены основать новую династию Юань.

Привязанность монголов к степи была третьим фактором их успеха. Эти кочевники имели гибкую родовую структуру, которая, с одной стороны, позволяла им привлекать других номадов и иногда даже оседлые группы в свою растущую завоевательную машину. С другой стороны, Чингисхан построил такую командную структуру, выбирая лидеров по их преданности и способностям, а не из-за родственных связей, что её было сложно расколоть вдоль племенных линий.

Четвертым фактором успеха было присутствие нескольких лидеров, которые умно сочетали желание покорять и грабить с нуждами управления. Мункэ, брат Хубилая, осуществил некоторые административные нововведения, позволявшие направить устремления консерваторов на постоянные успешные внешние войны, что позволило освободить ему руки для решения проблем в столице (Allsen 1987).

Вышеизложенное не является возвращением к теории «выдающихся личностей» в истории. Напротив, мы признаем, что монгольское правление являлось формой, отчасти подобной институту лидерства «бигмена» (Sahlins 1961; 1963; 1968), которое было особенно чувствительно к степени компетенции кандидата. Несколько монгольских вождей подвергали грабежу и облагали данью племена, которые в противном случае покинули бы союз. То есть внутри своего государства они довели до совершенства стратегию внешней границы, выжимая дань из оседлых государств, даже при том, что во внешней политике они часто переигрывали этой стратегией. Далее, монгольские вожди отличались достаточным опытом и знанием того, как функционировали государства и, несомненно, использовали это знание для того, чтобы выборочно принять и приспособить приемы правления государством для собственных управленческих нужд.

Пятый, и основной, фактор успеха монголов – отличные материально-технические возможности в военной сфере: связи, транспорте и передвижении. Кочевой образ жизни лежит в основе этой способности: многочисленные лошади, глубокое знание географии и способность перемещаться вместе со всеми средствами производства (семьями и стадами).

Используя данные преимущества, все Великие ханы полагались на структуру родства и проницаемость групповых границ в создании

крупных конфедераций. Завоеванные народы могли предпочесть подчиниться новому хозяину, чем умереть в безнадежной борьбе. В то время как такой подход работал в случае кочевников, он не действовал в случае оседлых народов. Проблема получения дохода облегчалась постоянной экспансией и притоком награбленной добычи. Этот постоянный приток помогал свести к минимуму межплеменные распри и заглушить недовольство изменениями, пришедшими вместе с империей. Отличная мобильность и коммуникации значительно облегчили процесс сбора крупных армий. Тем не менее, будучи внутренне нестабильными, эти достоинства являлись временными.

Источником данной нестабильности были технологические и политические проблемы. Законная преемственность власти представляла собой политическую проблему. Личные способности, из которых немаловажными считаются умение создавать союзы и воевать, лежат в основе могущества крупного лидера. Так, война была жизненно важной частью восхождения к власти. Принципы горизонтального и линейного наследования внутри монгольского общества являлись источником внутреннего соперничества и конфликта⁸. Поэтому вооруженный захват власти был неизбежен из-за отсутствия ясных приоритетов в системе наследования. Однако институционализация системы наследования подорвала бы само основание лидерства. Проблема состояла не только в том, что монголы не смогли институционализировать политическое наследование, как утверждает Эйзенштадт (Eisenstadt 1963), но и в том, что, если бы они смогли добиться этого, они перестали бы оставаться монголами. Подобные проблемы были внутренне присущи политическому контролю и сбору доходов.

Превосходство в средствах связи и мобильности способствовало нестабильности, потому что эти возможности были присущи кочевой жизни и являлись врожденными навыками всех кочевых групп и вождей. Таким образом, какому-либо одному вождю было практически невозможно монополизировать контроль над стратегическими ресурсами, чтобы вынудить своих соседей подчиняться. Несогласные всегда имели возможность свернуть свои юрты и откочевать вместе со своими стадами.

Корни данной ситуации лежат в материальной адаптации к постоянной и неопределенной степной среде. Кочевая экономика была очень адаптивна для жизни в нестабильном окружении, так как базировалась на гибкой родственной системе и текучей форме лидерства, которая быстро реагировала на изменяющиеся обстоятельства. Эта адаптация позволяла организовывать мобильные армии, однако одновременно ограничивала экспансию. Кроме того, она была совершенно не приспособлена к управлению оседлыми земледельческими культурами. Именно поэтому край степи оставался постоянной границей (Lattimore 1940; Lindner 1983; McNeil 1964; Whittaker 1994).

Тем не менее, несмотря на достаточно короткое существование (немногим более века), единство монголов принесло значительные изменения в Афроевразию. Монгольское завоевание открыло северный путь, ведущий из Китая в Европу в обход путей, пролегающих через современные Иран и Ирак или через Индийский океан. Последовавшая стабильная торговля между Востоком и Западом, проходившая по степи, открыла новые торговые циклы. «Постепенно обмен рабов и мехов на товары, происходивший с севера на юг, дополнил поток товаров с востока на запад, осуществлявшийся с помощью караванов» (Bentley 1993: 56). Еще одним важным последствием стало распространение бубонной чумы в Европе и Китае (McNeil 1976)⁹. «Черная смерть» сначала прошла по Китаю в 1331 г., унеся огромное количество жизней, а затем по Европе в 1348 г., уничтожив от одной трети до половины населения континента, что в конце концов повлияло на изменение отношений между феодалами и крестьянами.

Распространение чумы, возможно, также являлось причиной упадка монгольской державы (McNeill 1976: 132–175). Бацилла *Pasteurella pestis*, возможно, пришла с монголами из Маньчжурии в степи Средней Азии. Здесь она распространилась среди местных грызунов и приняла эндемический характер. Затем она распространилась в Китай и Европу и, возможно, среди многих центрально-азиатских кочевников. Если так, то чума также замедлила темп монгольского завоевания. Распространение чумы в Китае (1331 г.) способствовало ослаблению династии Юань (которая пала в 1368 г.). Приход чумы в степи также объясняет, почему после падения монгольской державы миграция проходила из оседлых районов в степь, а не наоборот.

ВЫВОДЫ, ВОПРОСЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Общим эффектом всех этих событий и процессов в мир-системном историческом контексте стало пульсирующее объединение и разделение мир-систем в Западной и Восточной Азии и, в гораздо меньшей степени, в Южной Азии. Конечно, относительно продолжительная изоляция Южной Азии – кроме критического на уровне информации и распространения религиозных идей – может объяснить, почему синхрония в изменениях, происходивших в Восточной и Западной Азии, не затронула Южной Азии. Ясно, что центральноазиатские кочевники играли важные, хотя и конфликтные, изменяющиеся и непостоянные роли в слиянии этих мир-систем на уровне информации и предметов роскоши. Однако монголы являлись единственной группой, которая достигла объединения на уровне политического и военного взаимодействия.

Объединение монголов во многих отношениях способствовало подъему Европы. Новые идеи, новые предметы роскоши, новые патогены и новые враги (или страх перед ними) привели ко многим изме-

нениям на далеком западе Афроевразии (обычно называемом Европой). Одним из важных факторов являлся поиск более коротких или менее оспариваемых путей в Азию для развития новых торговых линий. Край степной границы (McNeil 1964) также помогал защитить Европу от военного вторжения. Все эти факторы способствовали движению Европы по такой траектории изменений, которая дала толчок колониализму, меркантилизму, подъему капиталистических государств и индустриальной революции. Ясно, что подъем Европы не может объясняться только внутренними факторами. Те, кто утверждает это, игнорируют процессы, происходившие во всей Афроевразии и создававшие контекст, внутри которого черты местной европейской социальной организации могли возыметь то действие, которое они имели. По мнению К. Померанца (Pomeranz 2000), многое из того, что произошло в Европе, имело смысл только в широком контексте. В данной статье я хотел показать, что центральноазиатские кочевники, в особенности монголы, являлись ключевыми фигурами в этом процессе.

Есть и другие выводы или по крайней мере размышления и вопросы, которые можно вывести из приведенного здесь анализа. Вспервах, события в степях Центральной Азии не могут объясняться исключительно через местные факторы. Как показал Барфилд (Barfield 1989), кочевников можно понять только глядя в разных направлениях – на восток, запад, север и юг. Хазанов (Khazanov 1984) уже давно разработал похожую аргументацию. К этому я добавлю, что сложные, хотя и изменчивые и непостоянные роли кочевников в различных мир-системах необходимы, чтобы понять их социальные структуры и особенности эволюции. Степные конфедерации не могли бы существовать без существования сильных центральных государств. Мир-системный анализ как минимум дает путь для выделения и изучения этих сложных отношений с большей степенью точности. Однако последствия изучения степных кочевников идут в обоих направлениях.

Во вторых, изучение кочевников Центральной Азии дает пути для изучения синхронии и слияния мир-систем. Во многих случаях степные конфедерации играли роль *оспариваемой* (contested) периферии и, конечно, при монголах – оспариваемой полупериферии. Оспариваемая периферия или полупериферия представляет собой социальную группу, существующую между мир-системами и может одновременно являться периферией или, реже, полупериферией в каждой из них (Allen 1996; Bergquist 1995; Cline 2000). Таким образом, эти оспариваемые территории становятся связующими элементами для обмена между мир-системами. Однако иногда они могут выступать в качестве барьеров, хотя и частично проницаемых, в зависимости от того, что и в каком направлении проходит через них. Таким образом, изучение степных кочевников дает широкие возможности для изучения всего этого комплекса и его важной роли в мир-системах. Несомненно, похожие

или аналогичные процессы имели место и в других местах, но до тех пор, пока у нас не будет больше знания о таких случаях, мы не сможем сделать более или менее приемлемых предположений относительно либо уникальности, либо общего характера этих степных процессов.

В-третьих, используя этот подход, мы сможем переоценить эволюционные последовательности и понять, как изменяются кочевые общества и в какой зависимости эти изменения находятся от их мир-системных контекстов. Н. Крадин утверждает, что степные конфедерации – это ксенократические суперсложные вождества, а не сложившиеся государства (Kradin 2002). Я же рассматривал их в качестве формы государства. Тем не менее в наших подходах меньше различий, чем можно предположить из терминологии. Если это государства, они могут быть протогосударствами, государствами в стадии возникновения, или рудиментарными государствами, но не полностью развитыми государствами. То, когда вождество становится государством, является острой научной проблемой. Более близкое изучение степных конфедераций дает исследователям возможность изучить этот важный переход в человеческой социальной эволюции. Конечно, будущие исследования могут заставить нас пересмотреть наше понимание процессов и последовательностей социальной эволюции.

В конечном итоге все это касается других проблем – значения классов, форм государства и вождества, роли родственных отношений и политической преемственности и многих других социальных процессов. Нередко бывает полезно заново изучить основные положения и теоретические выкладки и подвергнуть их критическому эмпирическому анализу. Конечно, здесь нужно еще многое изучать. Я также надеюсь, что изучение центральноазиатских кочевников не является бесполезным упражнением, но необходимо для более глубокого понимания истоков нашей глобализирующейся мир-системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в: Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. «Монгольская империя и кочевой мир». Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 136–166. Текст печатается по указанному изданию.

¹ Я благодарен моему коллеге Н. Крадину за предложение суммировать мои мысли о монголах, изложенных в нашей совместной с К. Чейз-Данном монографии «Рост и упадок: сравнивая мир-системы» (Chase-Dunn 1977) и в ряде более ранних публикаций. Я рассматриваю эту статью как вклад в диалог между учеными, которые из-за различных политических проблем (например «холодной войны»), а также языковых различий не знали о проводимых отдельно друг от друга исследований. Моя долгая переписка по электронной почте с проф. Крадиным, а также его опубликованная на английском языке в *Journal of World Systems Research* статья наводит меня на предположение, что для многих российских читателей моя статья может показаться «изобретением велосипеда». В данной работе я, в основном, ссылаюсь на англоязычную литературу.

² Более подробно см. другие работы (Chase–Dunn 1998; 2001; Grimes 2000; Hall 2000a; 2002; Martin 1994; 2000; Shannon 1996; So 1990), а также труды самого И. Валлерстайна.

³ См. у Босвелла и Чейз-Данна по поводу того, что они имели в виду (Boswell, Chase-Dunn 2000). Вкратце, социалистическая мир-система должна была являться глобальной и направляться сильными демократическими мерами для достижения коллективной рациональности, в противоположность частному доходу. Согласно этому определению, в современном мире никогда не существовало социализма, в лучшем случае встречался только локализованный государственный социализм.

⁴ Они не противоречат аргументу Валлерстайна об истоках современной мир-системы, уходящих далеко в XVI в., и, конечно, конкурируют с доводами Ж. Абу-Лугод (Abu-Luhgod 1989) о том, что корни эти уходят на два или три века раньше. Противоречие возникает тогда, когда термин «капиталистический» становится употребимым. Другие аргументы см.: Frank and Gills 1993.

⁵ Здесь некоторые наши более ранние идеи (Chase-Dunn and Hall 1997) сформулированы в более четкой форме и это нужно иметь в виду.

⁶ Эта часть в значительной степени основывается на 8 главе «*Роста и упадка*» (Chase-Dunn, Hall 1997) и работах Барфилда (Barfield 1989; 1990; 1991; 1993). Другие важные работы: Lattimore 1940; 1962a; 1962b; 1980; Khazanov 1984; Irons 1979; Burnham 1979; Morgan 1986; Seaman 1989; 1992; Seaman and Marks 1991; Szykiewicz 1989; Jagchid, Symons 1989; Beckwith 1987a; 1987b; 1987c; 1991). Джачид и Саймонс во «Введении» своей книги (Jachid, Symons 1989) делают обзор литературы по этой проблеме. Холл (Hall 1991) и Франк (Frank 1992) осуществляют мир-системную интерпретацию проблемы взаимоотношений кочевников и земледельческих цивилизаций.

⁷ Изменения климата, понижающие продуктивность местных пастбищ, могут производить идентичный эффект. Фактически, следуя аргументам Турчина и Холла, большое разнообразие факторов может произвести подобную синхронизацию (Turchin, Hall 2003). Для понимания этой синхронизации требуется дальнейшее исследование. Однако, каким бы ни был механизм, очевидно, что степные кочевники играли в нем значительную роль.

⁸ Боковое (горизонтальное) наследование предполагало передачу власти от старших к младшим сыновьям, в то время как прямой принцип наследования предполагал переход статуса от отца к сыну. Прямое происхождение может осуществляться посредством майората или минората. Практика полигамии осложняет все эти формы происхождения. Барфилд (Barfield 1989) дает много детальных свидетельств того, как осуществлялся и не осуществлялся этот процесс у кочевников Центральной Азии.

⁹ Недавно имела место дискуссия о том, какая именно инфекция была распространена. Однако, какими бы ни были причины патогенеза и какими бы путями он ни распространялся, многие из этих процессов, так или иначе, произошли бы. Однако детальное понимание этих процессов все-таки требует более углубленного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Abu-Lughod, J. 1989. *Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press.

Allen, M. 1996. *Contested Peripheries: Philistia in the Neo-Assyrian World-System*. Unpublished Ph. D. dissertation, Interdepartmental archaeology program, UCLA.

Allsen, T. 1987. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. University of California Press.

Barfield, T. J. 1989. *The Perilous Frontier*. London: Blackwell.

1990. Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective. In Khoury, Ph., and Kostiner, J. (eds.), *Tribe and State Formation in the Middle East* (pp. 153–182). Berkeley.

1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial Dynastic History. In Seaman, G., and Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (pp. 21–62). Los Angeles, CA.

1993. *The Nomadic Alternative*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Beckwith, Ch. 1987a. The Tibetans in the Ordos and North China: Considerations on the Role of the Tibetan Empire in World History. In Beckwith, C. (ed), *Silver on Lapis: Tibetan Literary Culture and History*, (pp. 3–11). Vol. 20. Bloomington, IN.

1987b. *The Tibetan Empire in Central Asia*. Bloomington: Indiana University Press.

1987c. Tibetan Science at the Court of the Great Khans. *The Journal of the Tibet Society*, Vol. 7: 5–11.

1987d. *The Concept of 'Barbarian' in Chinese Historiography and Western Sinology: Rhetoric and the Creation of Fourth World Nations in Inner Asia*. Papers presented at the Association of Asian Studies meeting, Boston.

1991. The Impact of the Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, Vol. 34, No 2: 183–198.

Bentley, J. H. 1993. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. Oxford: Oxford University Press.

Berquist, J. L. 1995. The Shifting Frontier: the Achaemenid Empire's Treatment of Western Colonies. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 1, No 1: 17 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Boswell, T., Chase-Dunn, Ch. 2000. *The Spiral of Capitalism and Socialism: The Decline of State Socialism and the Future of the World-System*. Boulder, CO: Lynne-Rienner.

Burnham, Ph. 1979. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society / Production Pastorale et Société* (pp. 349–360). Cambridge.

Chase-Dunn, Ch. 1998. *Global Formation: Structures of the World-Economy*. 2nd ed. Boulder, CO: Rowman and Littlefield (Originally 1989, London: Blackwell).

2001. World-Systems Theorizing. In Turner, J. H. (ed.), *Handbook of Sociological Theory* (pp. 589–612). New York.

Chase-Dunn, Ch., Hall, T. (eds.) 1991. *Core/Periphery Relations in Precapitalist Worlds*. Boulder, CO: Westview Press.

1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder: Westview Press.

2000. Comparing World-systems to Explain Social Evolution. In Denmark, R., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change* (pp. 86–111). London.

Chase-Dunn, Ch. Manning, S., Hall, T. 2000. Rise and Fall: East–West Synchronicity and Indic Exceptionalism Reexamined. *Social Science History*, Vol. 24, No 4: 727–754.

Cline, E. 2000. 'Contested Peripheries' in World Systems Theory: Megiddo and Jezreel Valley as a Test Case. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 6, No 1: 8–17. (ejournal: <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Cribb, R. 1991. *Nomads in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Denemark, R. A. 2000. Cumulation and Direction in World System History. In Denemark, R., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change* (pp. 299–312). London.

Denemark, R. A., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.) 2000. *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London: Routledge.

di Cosmo, N. 1994. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History. *Journal of Asian Studies*, Vol. 53, No 4: 1092–1126.

Dyson, S. L. 1985. *The Creation of the Roman Frontier*. Princeton: Princeton University Press.

Eisenstadt, S.N. 1963. *The Decline of Empires*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice–Hall.

Frank, A. G. 1992. *The Centrality of Central Asia*. Amsterdam: VU University Press for Center for Asian Studies Amsterdam (CASA), Comparative Asian Studies No. 8.

Frank, A. G., Gills, B. K. (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.

Grimes, P. 2000. Recent Research on World-Systems. In Hall, T. D. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 29–55). Lanham, MD.

Hall, T. 1989a. *Social Change in the Southwest, 1350–1880*. Lawrence, KS: University Press of Kansas.

1989b. Is Historical Sociology of Peripheral Regions Peripheral? In Martin, M. T., and Kandal, T. R. (eds.), *Studies of Development and Change in the Modern World* (pp. 349–372). New York.

1991. The Role of Nomads in Core/Periphery Relations. In Chase-Dunn, Ch., and Hall, T. D. (eds.), *Core/Periphery Relations In Precapitalist Worlds*. (pp. 212–239). Boulder, CO.

1998. The Effects of Incorporation into World-Systems on Ethnic Processes: Lessons from the Ancient World for the Contemporary World. *International Political Science Review*, Vol. 19, No 3: 51–267.

2000a. *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Press.

2000b. Frontiers, and Ethnogenesis, and World-Systems: Rethinking the Theories. In Hall, T. D. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 237–270). Lanham, MD.

2001. Chiefdoms, States, Cycling, and World-Systems Evolution: A Review Essay. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 7, No 1: 91–100 (E–Journal <http://csf.colorado.edu>).

2002. World-Systems Analysis and Globalization: Directions for the Twenty-First Century. In Dobratz, B. A., Buzzell, T., Waldner, L. K. (eds.), *Theoretical Directions in Political Sociology for the 21st Century, Research in Political Sociology* (pp. 81–122). Vol. 11. Oxford.

Hall, T., Chase-Dunn, Ch. 1993. The World-Systems Perspective and Archaeology: Forward into the Past. *Journal of Archaeological Research*, Vol. 1, No 2: 121–143.

Irons, W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society / Production Pastorale et Société* (pp. 361–374). Cambridge.

Jagchid, S., Symons, V. J. 1989. *Peace, War, and trade Along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction Through Two Millennia*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Kardulias, P. N. (ed.) 1999. *Leadership, Production, and Exchange: World-Systems Theory in Practice*. CO: Rowman and Littlefield.

Khazanov, A. M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press (2nd ed. 1994, Madison, WI: University of Wisconsin Press).

Kradin, N. 2002. Nomadism, Evolution and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 8, No 3: 368–388 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Kuhn, T. 1970. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.

1977. Second Thoughts on Paradigms. In Kuhn, T. S., *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Traditions and Change* (pp. 293–319). Chicago.

Kwanten, L. 1979. *Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lattimore, O. 1951. *Inner Asian Frontiers*. 2nd ed. Boston: Beacon Press. (Originally (1940). New York: American Geographical Society).

1962a. The Frontier in History. In Lattimore, O., *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–58* (pp. 469–491). London.

1962b. Inner Asian Frontiers: Defensive Empires and Conquest Empires. In Lattimore, O., *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–58* (pp. 501–513). London.

1962c. *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–58*. London: Oxford University Press.

1980. The Periphery as Locus of Innovation. In Gottman, J. (ed.), *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics* (pp. 205–208). Beverly Hills.

Lindner, R. 1981. Nomadism, Horses and Huns. *Past & Present*, Vol. 92 (Aug): 3–19.

1983. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Vol. 144. Indiana University Uralic and Altaic Series. Bloomington, IN: Research Institute for Inner Asian Studies.

Luttwak, E. N. 1976. *The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A. D. to the Third*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Martin, W. 1994. The World-Systems Perspective in Perspective: Assessing the Attempt to Move Beyond Nineteenth Century Eurocentric Conceptions. *Review*, Vol. 17, No 2: 145–185.

2000. Still Partners and Still Dissident After All these Years? Wallerstein, World Revolutions and the World-Systems Perspective. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 6, No 2: 234–263 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>)

Mattingly, D. J. 1992. War and Peace in Roman North Africa: Observations and Models of State-tribe Interaction. In Ferguson, R. B., and Whitehead, N. L. (eds.), *War in the Tribal Zone* (pp. 31–60). Santa Fe.

McNeill, W. 1963. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago: University of Chicago Press.

1964. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago: University of Chicago Press.

1976. *Plagues and Peoples*. Garden City, New York: Doubleday.

1982. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000*. Chicago: University of Chicago Press.

1987. *A History of the Human Community, Vol. I: Prehistory to 1500*. 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Morgan, D. 1986. *The Mongols*. London: Blackwell.

Peregrine, P. 1992. *Mississippian Evolution: A World-System Perspective* (Monographs in World Archaeology No. 9). Madison, WI: Prehistory Press.

1995. Networks of Power: The Mississippian World-System. In Nassaney, M., and Sassaman, K. (ed.), *Native American Interactions* (pp. 132–143). Knoxville, TN.

2000. Archaeology and World-Systems Theory. In Hall, T. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 59–68). Lanham, MD.

Peregrine, P., Feinman, G. (eds.) 1996. *Pre-Columbian World-Systems* (Monographs in World Archaeology No. 26). Madison, WI: Prehistory Press.

Pomeranz, K. 2000. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Sahlins, M. 1961. The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion. *American Anthropologist*, Vol. 63, No 2: 322–345.

1963. Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 5, No 3: 285–303.

Sahlins, M. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Saunders, J. J. 1971. *The History of the Mongol Conquests*. New York: Barnes & Noble.

Schneider, J. 1977. Was There a Pre-Capitalist World-System? *Peasant Studies*, Vol. 6, No 1: 20–29.

Seaman, G. (ed.) 1989. *Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Los Angeles, CA: Ethnographics Press, Center for Visual Anthropology, University of Southern California.

1992. *Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes*. Los Angeles, CA: Ethnographics Press, Center for Visual Anthropology, University of Southern California.

Seaman, G., Marks, D. (ed.) 1991. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Los Angeles, CA: Ethnographics Press, Center for Visual Anthropology, University of Southern California.

Shannon, T. R. 1996. *An Introduction to the World-System Perspective*, 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press.

So, A. Y. 1990. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theory*. Newbury Park, CA: Sage.

Straussfogel, D. 1998. How Many World-Systems? A Contribution to the Continuationist / Transformationist Debate. *Review*, Vol. 21, No 1: 1–28.

2000. World-Systems Theory in the Context of Systems Theory: An Overview. In Hall, T. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 169–180). Lanham, MD.

Szynkiewicz, S. 1989. Interactions between the Nomadic Cultures of Central Asia and China in the Middle Ages. In Champion, T. C. (ed.), *Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology* (pp. 151–158). London.

Teggart, T. F. 1918. *The Processes of History*. New Haven: Yale University Press.

1925. *Theory of History*. New Haven: Yale University Press. (Both reprinted University of California Press 1942, Peter Smith 1972).

1939. *Rome and China: A Study of Correlations in Historical Events*. Berkeley: University of California Press.

Thompson, W. R. 2000. Comparing Approaches to the Social Science History of the World System. In Denmark, R., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change* (pp. 287–298). London.

Turchin, P., Hall, T. 2003. Spatial Synchrony among and within World-Systems: Insights from Theoretical Ecology. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 9, No 1: 37–64 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Wallerstein, I. 1974a. The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 16, No 4: 387–415\$ also in Wallerstein (1979: Ch.1).

1974b. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press.

1993. World System vs. World-Systems. In Frank, A. G., and Gills, B. K. (eds.), *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* (pp. 291–296). London.

Wells, P. S. 1999. *The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe*. Princeton: Princeton University Press.

Whittaker, C. R. 1994. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore: Johns Hopkins University.

Wolf, E. R. 1982. *Europe and the People Without History*. Berkeley: University of California Press.

Yü Ying-shih. 1967. *Trade and expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations*. Berkeley: University of California Press.